

УДК 94(470+571)-054.62 «1916/1971»

Т. Н. Чернова-Дёке

*Международная ассоциация исследователей истории
и культуры российских немцев*

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТИР РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ЗАКОНОВ ПО ЛИКВИДАЦИИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА НЕМЕЦКИХ ПОСЕЛЕНЦЕВ (1916–1917)

Показано зусилля адміністрації Південного Кавказу з реалізації законів від 2 лютого та 13 грудня 1915 р., спрямованих на ліквідацію землеволодіння та землекористування німців – підданих Російської імперії. Розглянуто дві скарги від місцевих німців, спрямованих до Правлячого Сенату. Доведено, що кампанія мала неефективний характер. Єдиною жертвою стала дочірня кол. Петрівка у м. Карса. Відчуження нерухомого майна не відбулося.

Ключові слова: Перша світова війна, антинімецьке законодавство, Південний Кавказ, німецькі колонії Кавказу, німецьке землеволодіння.

Показаны усилия администрации по реализации на Южном Кавказе узаконений от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. о ликвидации землевладения и землепользования верноподданных немцев. Рассмотрены две жалобы в Правительствующий Сенат. Единственная жертва, лишённая аренды земли, – дочерняя кол. Петровка у г. Карса, и несостоявшееся отчуждение недвижимого имущества – таковы региональные особенности кампании «борьба с немецким засильем» в империи в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, антинемецкое законодательство, Южный Кавказ, немецкие колонии Кавказа, немецкое землевладение.

Im Mittelpunkt des Beitrags stehen die Behördenaktivitäten zur Durchführung der restriktiven Gesetze vom 2. Februar 1915 und vom 13. Dezember 1916 über die Liquidation des Grundbesitzes und der Landnutzung der deutschen Untertanen im Südkaukasus. Diese Aktivitäten beschränkten sich auf die Prüfung von zwei an den Regierenden Senat gerichteten Klagen. Das einzige Opfer - die unweit der Stadt Kars gelegene Tochterkolonie Petrovka, der die Landpacht untersagt wurde, und die nicht vollzogene Entfremdung der Liegenschaften - das waren die regionalen Besonderheiten der Kampagne zur «Bekämpfung der deutschen Übermacht» im Zarenreich während des Ersten Weltkrieges.

Schlagwörter: Erster Weltkrieg, antideutsche Gesetzgebung, Südkaukasus, deutsche Kolonien im Kaukasus, deutscher Landbesitz.

The article shows how the local Administration implemented anti-German restrictive laws (adopted on February, 2nd and December, 13th, 1915) on the South of Caucasus. Two letters of complaint to the Governing Senate were studied. As a result, the only one victim (Petrovka colony) was deprived of land in the region. Thus, anti-German company on the South of Caucasus failed.

Under the First World War conditions anti-Germans phobia resulted into full-scale anti-German campaign. The first step of the campaign was German toponymy changing. The law, passed on February 2, was directed against the Germans who were Austro-Hungarian Empire's and Germany's subjects. Border region of the Caucasus was affected. The next law expanded the territory of implementation onto other areas of the Caucasus, including Tiflis province. Liquidation process started in 1916 under the auspices of the Ministry of Internal Affairs. Landowners were listed and the lists were published. Acting according the laws, local Germans sent some letters of complaint. Colonists were also supported by the local land department that had its own local interests in that reform implementation.

The Empire experienced economic difficulties. These circumstances protected German landlords who were really involved into farming (updated in May of 1916). However, the central authorities insisted on consequent activation of the liquidation processes. They demanded on property lists updating. The Commandant of Kars fortress, directed by his own decision, took away Petrovka colony's land.

German colonists tried to get the authorities' favor. So that they carried out charity programs but their try was unsuccessful. February Revolution cancelled the laws and stopped all the discussion around them.

Keywords: World War I, anti-German legislation, the South Caucasus, the German colonies of the Caucasus, German land ownership.

Первая мировая война явилась суровым испытанием для потомков немцев-колонистов на Кавказе, как и для всего немецкого этноса и других народов империи. Объективно необходимые в условиях военного времени ограничительные превентивные или репрессивные меры против подданных неприятельских государств рефлексировали на так наз. выходцев – российских подданных немцев. Нагнетание антинемецких настроений в условиях обострения внутри- и внешнеполитического кризиса вызвало всплеск «германофобии», переросший в антинемецкую кампанию. Тезис о «мирном завоевании» немцами России был переформатирован в термин «немецкий вопрос». Националистическая пропаганда способствовала созданию «образа врага». Возникли вспышки шовинизма. Происходит трансформация представлений о «своих» немцах и противостояние позиций в различных кругах общества. Патриотический порыв объединиться против внешней опасности сменился вскоре борьбой с «вну-

тренним врагом». Началось прямое наступление: в постановлениях правительства и министерств, решениях военного руководства, жандармско-полицейских властей и местных администраций, в дебатах в Государственной думе, в законотворчестве, публицистике и прессе. Положение немецкого населения определялось лозунгом: «борьба с немецким засильем». Сменился курс официальной государственной этнополитики от толерантности к полицейскому надзору, к доктрине немецкого шпионажа.

Имманентной частью антинемецкой кампании в стране стала ликвидация немецкой топонимики (циркуляры №№ 52, 55 Министра внутренних дел Н. А. Маклакова от 13 и 15 октября 1914 г. о переименовании немецких селений и волостей). Наглядный след этой разнузданной кампании остался в восстановленном в феврале 1905 г. Кавказском наместничестве [5, с. 1]. Была запрещена единственная для всего Кавказа газета на немецком языке «Kaukasische Post» («Кавказская почта»), выходящая с 1906 г.

В центре внимания оказалось немецкое землевладение. В условиях войны вступили в силу и требовали исполнения утвержденные Николаем II законы от 2 февраля 1915 г.: в отношении землевладельцев неприятельских подданных и австрийских, венгерских или германских выходцев (Собр. узак. ст.ст. 349, 350, 351) [7, с. 562–572]. В законе о прекращении землевладения и землепользования выходцев в приграничных местностях речь шла об отчуждении или продаже их земель и недвижимого имущества вне городских поселений: а) в 150-верстной полосе в западном пространстве и б) в пределах 100-верстной полосы – на юге вдоль побережья Черного и Азовского морей и государственной границы в Бессарабской губернии, Крыму и Закавказье, до Каспийского моря. Сроки отчуждения по добровольным соглашениям для 100-верстной полосы – до 1 года и 4 мес. Третий закон касался некоторых разрядов состоявших в русском подданстве (принятом после 1.01.1880) выходцев и воспрещал впредь сельским обществам (бывших колонистов) всякого рода акты о приобретении прав собственности, залога, владения и участия в торгах. Ряд исключений из закона касался немцев-офицеров или добровольцев в боевых действиях русской армии и флота, вдов этих лиц или получивших награды, принявших православие. Политическая направленность законов проявлялась в намерении правительства решить таким образом не только аграрный, но и «немецкий вопрос».

Волна экстраординарных мер по ограничению и ликвидации недвижимого имущества лиц немецкого происхождения охватила не

только пограничную полосу Кавказа (б. колонии Нейдорф и Гнаденберг, Сухумский округ Кутаисской губ.). Высочайше утвержденное положение Совета министров, от 13 декабря 1915 г., о некоторых изменениях и дополнениях узаконений (ст. 2749) расширяло радиус действия закона о прекращении землевладения выходцев в приграничных местностях на сотни верст «во всех местностях Кавказского края».¹ Был установлен срок отчуждения по добровольным соглашениям до 10 мес. (разд. II, п. 5), после чего – торги [7, с. 576–585]. Это реально поставило под угрозу надельные и вненадельные земли обществ немецких поселенцев и собственников.

Выявление региональных особенностей реализации рестриктивных законов помогает воссоздать полную картину по стране. Положение в годы войны на Кавказе немцев – селян и горожан – отчасти отражено в новейшей историографии. [1, с. 246–260; 3, с. 63–70; 8, с. 223–237; 10, с. 126–142]. Мы остановимся подробнее на примере Тифлисской губернии, базируясь на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот. Речь идет о швабских поселениях, основанных в 1817/1819 гг., и возникших позже дочерних колониях в Тифлисском и Борчалинском уездах.

Координация действий по организации в крае отчуждения недвижимого имущества немцев шла через Канцелярию наместника Е.И.В. на Кавказе и МВД. Процесс ликвидации начался практически с 1916 г. Распоряжением от 5 февраля с.г. наместник Вел. кн. Николай Николаевич (Романов) обязал Бакинского вице-губернатора А. А. Макарова (в статусе «Наблюдающего») к надзору за осуществлением мер, «для ближайшего руководства делом ликвидации иностранного землевладения», с периодическими выездами и отчетами, включая Терскую и Кубанскую области [6, д. 1, л. 2].

Реализация отчуждения земель началась с опубликования в 2-х-месячный срок списков их владельцев. Составленный на основе затребованных от уездных начальников сведений общий список 44-х владельцев недвижимых имуществ в губернии был опубликован в газете «Кавказ» № 68 от 24 марта. Согласно списку, ликвидации подлежало: 1) надельных земель колонистов – 15018 дес. 638 кв. саж.; 2) вненадельных земель, состоящих во владении обществ и товариществ колонистов – 9859 дес. 138 кв. саж.; 3) земель,

---

¹ Кавказский край, наместничество, включало в себя все губернии и области Закавказья, Кубанскую и Терскую области Северного Кавказа (Ставропольская губерния изъята из края мнением Госсовета от 10.05.1899).

принадлежащих отдельным колонистам – 2485 дес. 2340 кв. саж.; 4) земель во владении выходцев /наследников/ баронов фон Кученбах – 8625 дес. 638 кв. саж. Итого: 35988 дес. 638 кв. саж. [6, д. 2, л. 34–35]. Следует пояснить к п. 2, что покупные земли (за исключением к. Елизаветталь) приобретались на общий счет колонистов, становясь общественной собственностью селения. При составлении списков имелись неточности.

По законодательству землевладельцы имели право обжаловать действия администрации в Правительствующий Сенат в течение одного месяца со дня публикации списков. Такая жалоба, от 12 марта 1916 г., за подписью Т. Г. Гуммеля, поверенного общества села Еленино (б. кол. Еленендорф) Елизаветпольской губ., поступила 26 марта в 1-й Департамент Сената по поводу опубликования списков 26 февраля, в № 17 «Елисаветпольских губернских ведомостях». Отметив заметный вклад колонистов в развитие края, помощь фронту и т.д., Гуммель считает включение в списки к ликвидации имущества Еленино «лишним законного основания и потому подлежащим отмене» и просит об изъятии из списков. Немыслимо, «чтобы правительство желало наказать верноподданных... лишая их результата трудов четырех поколений, без всякой вины с их стороны» [4, л. 43–45].

Подобная жалоба в Сенат последовала из Тифлиса, но не от колонистов, а от государственного учреждения – Тифлисского управления Земледелия и Государственных имуществ. 22 апреля 1916 г. оно подало «Жалобу» на губернское правление в связи с публикацией в газете «Кавказ», № 68 от 24 марта, именного списка владельцев, подлежащих ликвидации имуществ, «в части, касающейся казенно-надельных земель немецких колоний» [6, д. 2, л. 48–50 об.]. Эти земли признавались «принадлежащими» их владельцам, сельским обществам. Но в каком смысле владения? Как частная собственность или на вотчинном праве? В «Жалобе» доказывалось, что право собственности на наделы, при поселении и дополнительно, также после размежевания земель в 1861 г., сохранялось за казной. Но они были оставлены в пользовании колонистов на «праве вечного и потомственного владения».

Возникает вопрос, почему чиновники управления земледелия были так озабочены судьбою немцев-колонистов в атмосфере противоправных действий правительства? Стремилась предотвратить беззаконие? Ответ был в тексте самой «Жалобы»: «Двусмысленное выражение «принадлежащих»... способно вызвать при ликвидации

земель крупные недоразумения и при том не столько во вред ликвидирующим владельцам и их случайным покупателям, сколько в ущерб интересам казны, которая, в случае продажи тех земель под видом собственности колонистов, лишается не одного только титула собственника ликвидируемых имений, но и ожидаемой в случае осуществления соответствующего законопроекта, внесенного еще в 1913 г. по инициативе Наместника Кавказского в законодательные учреждения, выкупной стоимости этих же имений, которая ввиду всевозрастающих цен на окультивированные земли в Закавказье могла бы достигнуть высокой цифры» [6, д. 2, л. 50 об.]. Эти объяснения наглядно раскрывают истинные цели: забота об интересах и прибыли казны.

По логике доказательств упоминалось далее, что введение колонистам с января 1901 г. оброчной (вместо подымной) подати наравне с крестьянами подтверждает, что земли, бывшие в «вечно потомственном владении» немцев, признавались «всегда и без всяких возражений собственностью казны». Приведенные в списке колонии по Тифлиской губернии не относились к исключениям, когда земли отводились в собственность по Высочайшим грамотам (как Сарепта на Волге или Каррас близ г. Пятигорск). Тифлисское управление Земледелия просило Сенат обязать губернское правление дополнить опубликованный список примечанием с пояснением права владения колонистов и объявить его вновь.

Тем временем в крае прилагались все усилия для уточнения и пополнения «ликвидационных» списков. 11 мая с.г. было опубликовано Обязательное постановление Главного начальника Кавказского военного округа ген.-лейт. Вольского для всех губерний и областей. Подпадающие под действие закона от 13.12.1915, но не внесенные в списки колонисты-поселенцы и собственники из выходцев, обязаны были в двухнедельный срок представить полицейским властям необходимые сведения о личном недвижимом имуществе. В случае неисполнения постановления виновные подвергались штрафу в 3 тыс. руб. или заключению в тюрьму или крепость до трех месяцев. Ответственными за взыскания считались губернаторы и временные генерал-губернаторы северокавказских областей [6, д. 1, л. 65].

В условиях серьезных потрясений в сельском хозяйстве, сокращения посевных площадей, распродажи скота, нехватки продовольствия в стране пришлось корректировать «ликвидационную» политику. В мае 1916 г. в Совете министров шло обсуждение дополнительных мер против недосева полей на колонистских землях. Прави-

тельство признало необходимым, не задерживая ликвидации земель, «широко оповестить колонистов» о возможности пользоваться полями, своевременно засеянными озимыми и яровыми – весной 1917 г. Яровые посевы давали бы владельцам право пользования землей до уборки урожая, даже при выкупе их Крестьянским Поземельным банком (Закавказский филиал в Тифлисе). Право покупать за свой счет лежащие отчуждению земли он получил решением Министра финансов от 1 мая. Теперь Банку надлежало действовать по Высочайше утвержденному 10 июля 1916 г. положению Совета министров «О некоторых мерах к поддержанию хозяйства на подлежащих ликвидации колонистских землях» (ст. 1685) [7, с. 589–590]. В случае приобретения земель он мог при расчете удерживать: а) от 5 до 10 % от покупной цены, если не будут произведены посевы или другие необходимые работы; б) 5% цены, если не окажется налицо или в исправности необходимый сельскохозяйственный инвентарь. Банку предоставлялось право оставлять бывших владельцев, но на срок не свыше одного года со дня приобретения им земли. Так правительство стремилось регламентировать порядок отчуждения земель и недвижимого имущества.

При этом возникали коллизии. Так, часть остающихся для проведения осенних полевых работ и дальнейшего ведения хозяйства землевладельцев явно выпадала из радиуса действия изданного 18 июня с.г. постановления Главного начальника Кавказского военного округа о запрете оставаться на жительство на отчужденных землях (независимо от согласия их новых владельцев). Банк получил право оставлять бывших владельцев на год. Решению правительства противостояло постановление Елисаветпольского губернатора, от 6 августа 1916 г., воспрещавшее дальнейшее проживание на означенных землях. Циркуляр наместника, от 11 сентября с.г., предписывал распорядиться по краю «о безотлагательной ликвидации договоров найма и аренды иностранцами домов, квартир и иных помещений», обязав их в двухнедельный срок со дня ликвидации договора «выехать из мест их настоящего жительства». Заметим, иностранцев.

В этой связи в новейшей историографии появились суждения о том, что после отчуждения имущества предусматривалось обязательное выселение, правда отмечается, что «места принудительного расселения немцев не были определены». Однако, радикальное мнение о том, что «процесс ликвидации немецкого землевладения и землепользования должен был завершиться массовой депортацией немцев», получило опровержение [1, с. 259; 8, с. 233–234; 4, с. 229]. Дей-

ствительно, запрет оставаться в данной местности (который даже получил послабления) и «массовая депортация» – разные вещи!

Позиция правительства отражена в Особом журнале Совета министров: «С точки зрения социально-политической придется считаться с перемещением в городские населенные сотен тысяч людей, оторванных от привычных земледельческих занятий и располагающих не наличными средствами, которые могли бы быть обращены на новое устройство трудовой жизни, а лишь правом на ежегодный доход от именных свидетельств Крестьянского Поземельного Банка» [2, с. 498]. Учитывая, что это был «элемент тревожный для общественного спокойствия и безопасности», Совет министров стремился организовать ликвидацию немецкого присутствия планомерно и согласованно. С этой целью, при нем по инициативе Председателя (немца!) Б. В. Штюрмера в марте 1916 г. был создан «Особый Комитет по борьбе с немецким засильем», в состав которого входил заместитель наместника Кавказского. Особый Комитет руководствовался Положением, утвержденным императором 1 июня 1916 г., [7, с. 585–587] и стал по сути очередным межведомственным совещанием для координации действий по освобождению от немецкого влияния. Его суждения поступали для ознакомления Кавказскому наместнику.

Далее правительством были разработаны дополнительные правила отчуждения. Согласно Высочайше утвержденному 19 августа Положению Совета министров (ст. 1869), наделы и недвижимые имущества сельских и мирских обществ подлежали отчуждению лишь в полном составе. Поименные списки признавались излишними, поскольку отдельные члены не вправе были лично распоряжаться своим участком. А дома и сады, являясь принадлежностью земли, «должны следовать судьбе последней», т.е. не могли быть отделены на сруб или снос [7, с. 592–597].

Работа по подготовке к публичным торгам в крае набирала обороты, т.к. в начале 1917 г. истекал 10-месячный срок отчуждения по добровольным соглашениям. 6 сентября 1916 г. Министр юстиции предложил Сенату для распубликования утвержденную правительством Инструкцию о применении узаконений (ст. 1933). Но на местах неизменно возникали вопросы. Назрела необходимость общего конкретного инструктажа.

Большое значение имел циркуляр от 28 ноября 1916 г., за № 34946, за подписью помощника Кавказского наместника по гражданской части ген.-лейт. кн. В. Н. Орлова [6, д. 1. Лл. 139–142]. Фак-

тически была дана местная инструкция губернаторам, начальникам областей и округов края по практической реализации отчуждения. В Управлении наместника было известно о допущенных неточностях в списках, о затруднениях при составлении описей недвижимых имуществ. Согласно циркуляру, следовало истребовать точные сведения о собственниках от старших нотариусов и безотлагательно создать дополнительные списки. Опубликование новых списков было нежелательным, поскольку отодвигало бы сроки отчуждения. Следовало активизировать деятельность по составлению описей: устранить неточности; выявить сведения о лежащих на имуществах запрещениях и долговых обязательствах. В описях ликвидируемых в полном составе имуществ требовалось указать: а) крепостной акт владения имуществом; б) титул владения /на праве собственности, потомственного владения и т.д./; в) границы и г) площадь описываемого имущества. Достаточно было указать общее число построек и инвентаря и лишь назвать сельско-промышленные сооружения (мельницы, заводы, мастерские и др.). Достаточно было дать название селений, без поименного списка. Но в описях имущества товариществ требовались списки совладельцев собственности, с указанием их долей, т.к. разрешалось продавать отдельные доли. Подробная оценка земли и построек представлялась излишней, поскольку их могли продать ниже оценки – уже на первом торге, определялась общая сумма, с инвентарем. Циркуляр нацеливал заблаговременно приступить к составлению проектов описей, чтобы по истечении льготного срока добровольного отчуждения можно было составить описи «без всяких затруднений в кратчайший срок» и торги при губернских правлениях «производились бы без малейшего промедления».

В заключение кн. Орлов высказал уверенность в том, что «в сознании государственной важности своевременной ликвидации немецкого землевладения все подлежащие правительственные учреждения и должностные лица несомненно объединятся в дружной совместной работе, не допуская... всяких излишних формальностей и тем самым общими силами успешно без промедления выполнят возложенную на них государственную задачу ликвидации немецкого землевладения в Кавказском крае» [6, л. 142]. Однако этому не суждено было сбыться.

Еще в январе 1917 г. администрация края на страже государственных интересов стремилась к точному исполнению задачи. Макаров выяснял у начальника Тифлисского управления Земледелия и Государственных имуществ Павловского обстоятельства расхождений в

количестве надельной общественной земли селений Александровское и Марьинское (б. Александерсдорф и Мариенфельд). МВД переслало для ознакомления наместнику материалы обсуждения Особым Комитетом вопроса о порядке расчета с Крестьянским банком и решение о размере вознаграждения опекуна [6, д. 2, лл. 118–118 об.]. Но февральские социальные потрясения, отречение Николая II от престола и крушение самодержавия и империи, создание Временного правительства затормозили движение к поставленной цели. 11 марта Временное правительство во главе с кн. Г. Е. Львовым подписало постановление о приостановлении исполнения ликвидационных узаконений до пересмотра их Учредительным собранием (ст. 367) [8, с. 628–630]. Также Особый Комитет по борьбе с немецким засильем был ликвидирован постановлением Временного правительства от 14.07.1917.

7 марта 1917 г. наместник Вел. кн. Николай Николаевич был вызван в Ставку, фактически он навсегда покинул Тифлис. В послании от 22.03.1917 Макаров запрашивал из Баку вице-директора канцелярии наместника Н. Г. Келарева, в связи с сообщениями в прессе о возможном изменении законоположений: «должна ли продолжаться ныне ликвидация немецкого землевладения на прежнем основании»? И поскольку сроки добровольного отчуждения имущества немцев в крае истекали, Макаров посчитал нужным воздержаться от каких-либо сношений по делу с местными властями «впредь до получения разъяснений» [6, д. 1, л. 151]. Напряженная работа администрации наместничества, рвение ее к выполнению в срок задачи «государственной важности» на огромной территории, субординация действий с правительством ввиду его распоряжений о дополнениях и изменениях узаконений, принесли определенные плоды. Однако состоявшиеся в 1916–1917 гг. отчуждения и публичные торги затронули в основном движимое и недвижимое имущество подданных враждебных воюющих держав. Ликвидационные меры не успели обрушиться на выходцев, немцев-поселенцев в крае. Таким образом, судьба хранила более 12 тысяч потомков колонистов в Закавказье, этих убежденных монархистов, которые оставались лояльными, несмотря на усиление надзора и гонений, страх за будущее и обиды. Их добровольные пожертвования фронту и отделению Российского общества Красного Креста деньгами, вином, подарками, содержанием лазаретов в Екатериновке (Екатериненфельд) и Еленино (Еленендорф) составили в целом 75171 руб. [9, с. 12–13]. Здесь нашли приют беженцы-айсоры (из Турции).

Единственной жертвой оказалась небольшая (дочерняя от высокогорной кол. Александерсгильф) немецкая колония **Петровка**, возникшая в 1891 г. в Карской области. По волевому решению коменданта крепости г. Карс уже в 1914 г. жители ее были лишены участка арендной земли и выселены. Их судьба созвучна с судьбой немцев-колонистов, оказавшихся в районах военных действий Северо- и Юго-Западного фронтов. Кавказский фронт фактически перестал существовать после подписания 5 декабря 1917 г. русско-турецкого договора о перемирии, после чего начался стихийный массовый отход частей (По Брестскому миру от 3 марта 1918 г., Карс, Ардаган и др. территории были возвращены Турции).

Пережитое и внутривосточная ситуация в стране всколыхнули национальное самосознание «кавказских» немцев, побудив к политической активности. Их делегаты приняли участие в проходившем в Москве весной 1917 г. конгрессе представителей немецкого населения. 14 мая с. г. состоялся Первый съезд делегатов «российских граждан немецкой национальности Закавказья», избравший Краевую комитет с центром в Тифлисе. В немецких селениях были созданы местные комитеты и отряды самообороны в период деятельности временного правительства – Особого Закавказского комитета (ОЗАКОМ). Провозглашение в конце мая 1918 г. независимых Грузинской и Азербайджанской Демократических Республик открывало новую главу в истории немецких поселений на Южном Кавказе.

Библиографические ссылки

1. *Агасиев И. К.* Особенности осуществления «ликвидационных законов» в немецких колониях Волыни и Азербайджана (сравнительный анализ) / И. К. Агасиев // Российские немцы в инациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности : матер. междунар. науч. конф. : Саратов, 14–19 сентября 2004 г. – М., 2005 – С. 246–260.

2. *Бобылева С. И.* Материалы Особого Комитета как источник по истории судеб немецкого населения периода Первой мировой войны / С. И. Бобылева // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие 1871–1941 гг. : матер. 8-й междунар. науч. конф., Москва, 13–15 октября 2001 г. – М., 2002 – С. 498.

3. *Вердиева Х. Ю.* Немцы Северного Азербайджана в годы Первой мировой войны / Х. Ю. Вердиева // Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. : матер. междунар. науч. конф. – М., 2000 – С. 63–70; *Вердиева Х. Ю.* Ограничительные меры Кавказского наместничества в годы Первой мировой войны в отношении подданных Четверного Союза / Х. Ю. Вердиева // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер

взаимоотношений (XVIII–XXI вв.): матер. 11-й междунар. науч. конф., Москва, 1–2 ноября 2006 г. – М., 2007 – С. 229 (см. источник: ГИА АР. – Ф. 495, оп. 1, д. 124, лл. 99–100).

4. Государственный Исторический архив Азербайджанской республики. (ГИА АР). – Ф. 508, оп. 1, д. 362, лл. 43–45.

5. Кавказ (Тифлис). Ежедн. лит.-полит. газ. от 20 янв. 1916 г. – С. 1.

6. Национальный Архив Грузии. Центральный Исторический архив (НАГр. ЦИА). – Ф. 224, оп. 1, д. 1, л. 2, л. 65, л. 151; там же, д. 2, лл. 34–35, 48–50 об., лл. 118–118 об.

7. Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917 / сост. В. Ф. Дизендорф – М. : МФД; Материк, 2006.

8. *Плахотнюк Т. Н.* Действие «ликвидационных» законов на Северном-Кавказе в 1915–1917 гг. / Т. Н. Плахотнюк // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности : матер. междунар. науч. конф., Москва, 17–20 сент. 1998 г. – М., 1999 – С. 233–234.

9. Сведения о культурно-экономическом состоянии колоний в Закавказском крае – Пг., 1916 – С. 12–13.

10. *Чернова-Дёке Т. Н.* Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) / Т. Н. Чернова-Дёке. – М., 2008 – С. 126–142.

Надійшла до редколегії 02.06.2014